

ЗАПАД И МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК: ДВЕ ПАРАДИГМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Атик А. А.

Восток и Запад, как известно, имеют многовековую историю взаимоотношений, в которых были моменты не только противостояний, но и периоды очень продуктивных взаимовлияний. Сегодня же эти взаимоотношения осложнены, прежде всего, активизацией ряда негативных предрассудков и устойчивых негативных стереотипов, сформировавшихся в течение столетий и существенно влиявших на взаимное восприятие.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что в процессе глобализации и унификации не только политико-экономических, но и социокультурных процессов современного мира усиливаются интенции возрождения этноконфессиональных ценностей, которые определяют культурную идентичность. Эти процессы способствуют, с одной стороны, консолидации представителей того или иного этноса. С другой стороны, они являются причиной появления множества негативных стереотипов, которые выступают своеобразным препятствием на пути глобализационной волны, несущей в себе угрозы национальной целостности и идентичности.

В этом контексте важное значение имеет проблема взаимного восприятия, или восприятия «чужого». Имеется в виду взаимное восприятие двух наиболее крупных цивилизационных агломераций – мусульманского Востока и христианского Запада.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых культурных интенций мусульманского Востока и христианского Запада в качестве носителей двух альтернативных парадигм взаимного восприятия, а также определение роли этих двух парадигм в процессе создания межкультурного и межцивилизационного диалога.

Для осуществления указанных целей необходимо решить следующие задачи:

- во-первых, выяснить основные точки соприкосновения и расхождения двух культур и связанных с этим причин негативного восприятия иной культуры;

- во-вторых, дать описание предлагаемых мною двух

парадигм взаимного восприятия: *имагинативной* (по преимуществу, образной) и *когнитивной* (по преимуществу, рационально-логической);

– в-третьих, рассмотреть некоторые примеры интерпретации явлений иной культуры, осуществляемых на основе этих двух парадигм.

Для реализации цели и задач данной работы нам необходимо было обратиться к текстам таких известных отечественных исследователей, как Игнатенко А. А., Журавский А. В., Левин З. И., Фадеев И. Л., Тиби Басам и др., а также проанализировать материалы научных конференций и круглых столов, посвященных перспективам развития взаимоотношений цивилизаций.

Как известно, многовековая история взаимодействия Востока и Запада складывалась на основе различных политических, экономических и культурных целей, определявших мотивы противостояния или взаимообогащения.

Следует подчеркнуть, что исторически и генетически обе культуры имели общие или, точнее, близкие духовные и морально-нравственные ценности, восходящие к семитским и эллинским корням. Однако с течением времени в ходе процесса культурной самоидентификации, происходившего в сложных условиях взаимного общения, в обеих культурах сложилось взаимное восприятие на основе принципа «свой – чужой», «мы – они». В современных условиях информационного общества вступило в новую, глобальную, фазу разделение мира либо по культурно-территориальным признакам (Восток–Запад), либо по конфессиональным (мир христианский – мир мусульманский), либо культурным или цивилизационным параметрам (западная, латиноамериканская, исламская, православная и др.).

Многие проблемы и конфликты возникают из-за неспособности или невозможности понять другую культуру. Именно недостаток знаний о культуре другого народа способствует формированию оппозиции «мы – они», и, следуя этой схеме, мусульмане, на уровне обыденного сознания, то есть следуя логике имагинативной парадигмы, пренебрежительно называют всех иноверцев «кафирами», равно как и на Западе, слово мусульманин ассоциируется с ошибочным по существу образом террориста и экстремиста – образом, который сегодня

становится устойчивым негативным стереотипом восприятия. Эти искаженные гетерономные стереотипы другого, в свою очередь, активируют столь же искаженные автономные стереотипы самооценки.

Известный арабский исследователь Басам Тиби отмечает, что «каждая цивилизация вырабатывает собственные образы и образы других, которые почти всегда превращаются в традицию и сохраняются в коллективной памяти», добавляя при этом, что «...оживленные традиции являются не «старыми», а спроецированными на новые обстоятельства представлениями. Поэтому разговоры об исламском *джихаде* и христианских *крестовых походах* в наши дни – это риторика, которая не соответствует реалиям; существуют так называемые «*имиджи*» обеих цивилизаций – ислама и Запада, свои и чужие» [4].

Именно поэтому интерпретации, существенным образом, конституируют и воспроизводят искаженные образы и смыслы иной культуры, которые затем широко тиражируются. С другой стороны, чтобы истолковать то или иное явление другой культуры, интерпретатор использует категории и понятия той мыслительной традиции, носителем которой он является. В результате неизбежно возникает погрешность интерпретации. Отсюда появляются в определенный момент такие понятия, как «джихад» во имя веры, греховность всего, что связано с иноверцами (идеи, философия, религия и даже технологии). Это настолько мощно внедряется в сознание, что люди перестали различать, их ли это мировосприятие или оно кем-то навязано извне.

Говоря об этнокультурном стереотипе В. П. Трусов и А. С. Филиппов справедливо отмечают, что «это обобщение о представителях различных этнических групп, характеризующихся повышенной эмоциональной устойчивостью, но не всегда адекватно отражающих реальные черты стереотипизируемой группы». Являясь элементом национальной психологии, этнокультурные стереотипы формируются как на уровне обыденного, так и теоретического сознания и представляют собой синтез эмоциональных, рациональных и волевых элементов [5]. Этнокультурные стереотипы являются инструментом передачи от поколения к поколению социального и нравственного опыта этноса, включая правила поведения, обычаи, ритуалы, нормы и

ценности. Это является ничем иным, как отражением определенной модели поведения, и привычной для индивида схемы действий, основанной на поступках предков. Из этого следует, что стереотипы формируются не на основе личного опыта, а заимствуются у той этнической группы, к которой принадлежит человек, и в большинстве случаев не подвергается обсуждению степень их соответствия истине. В этой связи У. Липпман отмечает, что когда мы придерживаемся стереотипов, мы не анализируем характер человека и не пытаемся оценить, хороший он или плохой. Скорее мы видим сразу же плохого человека, если он не является представителем нашего этноса [2]. А происходит это потому, что стереотип является отражением оценки явления этносом, а человек, в стремлении соответствовать установкам коллектива, строит стратегию своего поведения, исходя из той оценки, которую дает большинство. По мнению С. Лурье, предрассудок в отличие от простого неправильного суждения активно противостоит любой очевидности, если она не согласуется с ним. По этому принципу стереотипы могут быть как конструктивные, способствующие установлению благоприятных взаимоотношений с иной культурной общностью, так и деструктивные, препятствующие указанному процессу. С одной стороны, они способствуют консолидации этноса, то есть осознанию членами этноса своей принадлежности к единой этнической общности, а также выступают в качестве препятствия на пути разрушения этноса и утраты этнического своеобразия под воздействием современных процессов глобальной модернизационной интеграции. Но, с другой стороны, они искажают образ иного, и способствуют его неадекватной интерпретации. Этнокультурные стереотипы становятся для этноса основанием и оправданием действий по отношению к другим этническим группам, то есть к «они». При этом стереотипы содержат в себе не общечеловеческое знание, а присущее исключительно данной группе, базирующееся на совместном опыте, ценностях и интересах [3, 210].

По мере формирования *идентичности европоцентризма*, с одной стороны, и *идентичности исламоцентризма* – с другой, возникли две альтернативные парадигмы восприятия «иной культуры»: имажинативная и когнитивная. Первая апеллирует по преимуществу к обыденному уровню познания (образы, мифы, предрассудки и т. д.), вторая – по преимуществу к теоретическо-

му уровню познания (гипотезы, концепции, логическая аргументация и т. д.).

Имагинативная парадигма производна, главным образом, от некоторой совокупности устойчивых позитивных *автостереотипов* (высокая оценка или самооценка носителей своей культуры) и негативных или неадекватных по своему содержанию *гетеростереотипов* (предвзятая или искаженная оценка носителей иной культуры). Имеются все основания утверждать, что авто- и гетеростереотипы выступают в качестве основного структурного элемента этнической идентичности, равно как и самого процесса *этнокультурной самоидентификации*.

Когнитивная парадигма в контексте восприятия «другого» представляет собой анализ феномена: его истории, теории и практических проявлений. При этом, естественно, используется вся совокупность рациональных методов, включая, прежде всего, компаративистский метод. Во избежание серьезных ошибок и недоразумений судить о «другом» необходимо на основании подлинных и достоверных источников, стремясь осознать истинную суть «иной культуры», элиминируя при этом сложившиеся негативные стереотипы и предубеждения. Разумеется, особая роль и ответственность ложатся на ученых (востоковедов и западоведов) – интерпретаторов иной культуры и мировоззрения, от которых требуется не только стремление к объективности, но и определенная эмпатия, позволяющая понять и пережить явления иной культуры.

Интерпретации явлений иной культуры на уровне массового сознания, как правило, осуществляется на основе уже сложившейся и ставшей традиционной имагинативной парадигмы, тяготеющей к негативной оценке «другого». Иначе говоря, интерпретатор, создавая образ «другого», во-первых, трактует инокультурный образ посредством категорий своей собственной культуры и их многочисленных семиотических коннотаций, что неизбежно ведет к погрешностям интерпретации. Во-вторых, – и это в данном случае особенно важно, – происходит неосознанное и практически неустранимое «наложение» своеобразной матрицы, состоящей из совокупности предрассудков, авто- и гетеростереотипов. В результате происходит либо существенное искажение определенного инокультурного феномена, либо всей культуры в целом. И тогда сущность мусульманской культуры сводится, например, к терроризму, а западной – к аморализму.

Что касается исламской культуры, то в ней при формировании образов иной культуры на фоне рационального дискурса, несомненно, превалирует имагинативная парадигма описания и объяснения, которая существенно определяет мировоззрение «среднестатистического» мусульманина. Тем более, что в связи с известной культурной и интеллектуальной традицией долгое время религиозные мусульманские деятели препятствовали нововведениям («бида») в исламский мир. Их одержимость сохранить традиционные исламские устои мешала как притоку новых общественных идей, так и техническому прогрессу, то есть всему тому, что шло с Запада.

Причины такого негативного восприятия западной культуры коренятся в некоторых объективных исторических фактах.

Во-первых, имеют место последствия западной колонизации мусульманского мира. Ведь в течение XVIII–XX вв. Британия, Франция и Италия установили свою колониальную власть в большей части мусульманских государств Западной Африки и Ближнего Востока. Они ввели там свои законы, захватили земли, эксплуатировали население, а затем создали государство Израиль на территории Палестины, которую арабы традиционно считают «сердцем» мусульманского мира. Все это наряду с низким жизненным уровнем, нищетой, безработицей породило комплекс неполноценности и «второсортности» по сравнению с Западом [1, 13].

Во-вторых, культурная экспансия, осуществляемая сегодня через глобальные электронные СМИ, а также посредством экономического и политического давления, привела в частности к тому, что как в исламском сообществе, так и в западном сложилось неверное представление друг о друге. Сегодня гуманитарные технологии, или, по терминологии Цветкова А. П., h-tech, начали довольно широко использоваться по сравнению с предыдущими десятилетиями, а потому оказывают грандиозное влияние на сознание людей путем методичного выстраивания опасных мифологем. Гуманитарные технологии (принципы воспитания, образования, коммуникации и управления), ранее ассоциировавшиеся с духовностью как целью, сегодня превратились в «обездушенное средство», вследствие чего гуманитарное знание может использоваться как во благо, так и во зло [6, 25]. Вместо того, чтобы информировать разные народы друг

о друге, давать конструктивную информацию, способствующую познанию и пониманию друг друга, мы наблюдаем, что с помощью гуманитарных технологий активно осуществляется формирование на основе именно имагинативной парадигмы, тяготеющей к негативной оценке другого и способствующей образованию негативных межцивилизационных стереотипов, искажающих образы другого. Уменьшить опасность можно посредством преодоления неосознанности и безответственности, порождающих вражду и противостояние, заменив их на подлинное знание и осознанность.

Западная культура, являясь по преимуществу культурой рационального дискурса или, в соответствии с идеями М. Фуко, культурой «дискурсивных практик», в восприятии культуры мусульманского Востока, к сожалению, также находится в плену имагинативной парадигмы. Что означает, во-первых, реанимацию старых предрассудков и негативных стереотипов восприятия, а во-вторых, продуцирование новых «страшилок». И все это без серьезного и заинтересованного изучения глубинных оснований, основных символов и смыслов мусульманской, равно как и западной, культуры. А без этого невозможны паритетные отношения между двумя мирами – не только в экономической и политической, но и в других сферах. Несомненным фактом является то, что достойное будущее, если оно наступит, возможно лишь на условиях *паритетных отношений*.

Таким образом, существующие сегодня образы культуры «другого» далеки от адекватного восприятия – они отягощены множеством предвзятостей, негативных стереотипов и предрассудков, свойственных имагинативной парадигме восприятия и описания. Задача же состоит в построении адекватных образов. Необходимо по-иному взглянуть на «свою» и «чужую» сущности, а для этого желательны и стремление к объективности, и наличие определенной эмпатии, позволяющей не только понимать явления иной культуры, но и переживать их. Это означает, что перед Востоком и Западом встает необходимость создания, прежде всего, интеллектуальной почвы для формирования образа «иной культуры». Следовательно, на смену господству имагинативной парадигмы должно придти господство парадигмы когнитивной при условии их оптимального сосуществования. Особая роль и ответственность ложатся при этом на ученых (востоковедов и

западоведов) – интерпретаторов иной культуры и мировоззрения. Востоковедение и западоведение должны стать условием обеспечения такого адекватного отображения и восприятия. Без такого аутентичного отображения образа иной культуры, вряд ли одна из культур будет в состоянии дать адекватный ответ на современные вызовы, не говоря уже о том, чтобы донести ислам до представителей западного мира и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавский А. В. Христианство и ислам. Социально-культурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990
2. Lippmann W. Public Opinion. – Toronto, 1965. – 195 p.
3. Лурье С. Историческая этнология. – М.: Мысль, 1997. – 318 с.
4. Тиби Басам. Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизованного конфликта // Неприкосновенный запас. – 2002, № 6(26); <http://nlo.magazine.ru/dog/tual/tual73.html>.
5. Трусов В., Филиппов А. Этнические стереотипы, этническая психология: этнические процессы и образ жизни людей. – М.: Наука, 1984. – 210 с.
6. Цветков А. А. Можно ли пройти по лезвию гуманитарных технологий? // Актуальные проблемы философии: Общество, политика культура. Материалы XXXV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ. – Симферополь, 2006. – С. 24–27.